

Norman, Boris Justinovič

О роли "сравнительного синтаксиса" Романа Мразека и развитии его идей в новейшей славянской грамматике

Linguistica Brunensia. 2022, vol. 70, iss. 1, pp. 11-24

ISSN 1803-7410 (print); ISSN 2336-4440 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/LB2022-1-2>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/145231>

License: [CC BY-NC-ND 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

Access Date: 30. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Борис Норман

О РОЛИ «СРАВНИТЕЛЬНОГО СИНТАКСИСА» РОМАНА МРАЗЕКА И РАЗВИТИИ ЕГО ИДЕЙ В НОВЕЙШЕЙ СЛАВЯНСКОЙ ГРАММАТИКЕ

ON THE ROLE OF THE «COMPARATIVE SYNTAX» BY ROMAN
MRAZEK AND THE DEVELOPMENT OF ITS IDEAS IN THE
NEWEST SLAVONIC GRAMMAR

ABSTRACT

The theoretical concept presented in the book by R. Mrazek “Comparative syntax of Slavonic standard languages” (Brno, 1990) is considered, against the background of other grammatical teachings. Concepts such as types of predicates, semantic function, types of participants, syntactic derivation are analyzed. The relationship between semantic and formal criteria for the classification of syntactic models is considered. The role of R. Mrazek’s monograph in the development of syntactology over the past 30 years is shown, as well as new phenomena and trends in the grammatical structure of the Slavonic languages are noted. The tendencies towards compression and colloquialization of phrases associated with the influence of colloquial speech are demonstrated. The facts of devaluation of inflection and an increase in the use of syntactic words are noted, which indicate movement of the grammatical system of Slavonic languages towards analytism.

KEYWORDS

comparative syntax, Roman Mrazek, derivation, syntactic model

Труды чешских и словацких лингвистов во 2-й половине XX века сыграли огромную роль в становлении современной синтаксической теории. Ф. Данеш, Я. Бауэр, П. Адамец, Р. Зимек, М. Кубик, С. Жажа, М. Грeплъ, Я. Светлик и другие ученые оставили яркий след в истории славянского языкознания. Но имя Романа Мразека выделяется и на этом блистательном фоне. Прежде всего речь должна идти о его монографии «Сравнительный синтаксис славянских

литературных языков» (МРАЗЕК 1990; далее в скобках будут приводиться только страницы этой книги). Сегодня, через 30 с лишним лет, эта книга не только остается вехой в развитии сопоставительных синтаксических учений, но и намечает перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

Прежде всего книга Р. Мразека уникальна своим охватом языкового материала. Читателю представлен широчайший, практически всеобъемлющий диапазон речевых фактов: 12 славянских языков оказываются в поле внимания исследователя. И хотя автор подчеркивает, что его труд обращен исключительно к материалу литературных языков, он учитывает факты не только письменной, но и устной разговорной речи.

Ключевое понятие в оригинальной концепции Р. Мразека – это **деривационный синтаксис**. Имеется в виду, что все реальные речевые произведения (высказывания) так или иначе производны от ограниченной базы исходных («ядерных») структур – синтаксических моделей. В частности, русское высказывание *Где же ему быть актером!* возводится в конструкту *Он актер, а Разве тебе нельзя перестать курить?* – к *Ты куришь* (с. 21). Производные структуры при этом могут включать в себя и несколько деривационных шагов. К примеру, эвентуальная чешская фраза *Cožpak odsud už i Sněžku musí být začít vidět?!* (букв. «Разве уже отсюда должна быть видна Снежка?»); *Снежка* – самая высокая гора в Чехии – примечание Б.Н.), восходящая к *X. vidí odsud Sněžku*, должна была бы включать в себя такие деривационные условия, как: деагентивность + частную модальность (а) «*je vidět*» + частную модальность (б) «*musí*» + фазисность + вопросительную общую модальность + эмоциональность + маркированный словопорядок, обслуживающий актуальное членение (с. 23).

Противопоставление высказываний как речевых единиц синтаксическим моделям как единицам языка можно описывать в терминах поверхностного и глубинного синтаксиса. Однако ученый отказывается от слепого следования идеям генеративной грамматики, охватившей во 2-й половине XX века лингвистические умы, а предлагает их творческое развитие.

Выявление и обоснование оппозиции «предложение – высказывание» позволило полноценно включить синтаксис в общую систему языковых уровней и обогатило кардинальное противопоставление языка и речи. Один из основателей Пражского лингвистического кружка Вилем Матезиус писал: «Предложение – это не продукт преходящего момента и по своему существу не может целиком определяться какой-либо ситуацией. Следовательно, предложение не принадлежит целиком речи, а связано в своей обычной форме с грамматической системой языка, к которой оно относится» (МАТЕЗИУС 1967, 237). Следует отметить, что параллельно над теми же проблемами работали лингвисты в других странах, прежде всего в России. Вспомним здесь хотя бы имена Н.Ю. Шведовой, В.А. Звегинцева, Т.П. Ломтева, И.П. Распопова, В.В. Богданова... Переключки и взаимообогащение идей несомненно шли на пользу

развитию синтаксической теории. Так, синтаксической деривацией на материале русского языка активно занимался пермский профессор Л.Н. Мурзин, а петербургский германист В.Г. Адмони показал на немецком материале, что даже самые «алогичные», «разовые», структурно размытые высказывания восходят к определенным языковым образцам.

Принципиально важным для концепции чешского ученого оказался именно динамический подход к языковой системе. Синтаксис предстал в его книге не только как сумма застывших образцов, но и как совокупность их возможных реализаций, имеющих место в речевой деятельности, а также механизмов, их обуславливающих. Не случайно Р. Мразек отваживается и на попытку описания стадий речепорождения при «актуальном мыслительно-речевом акте». Это: а) база содержания (рудимент мысли), б) коммуникативная интенция, в) лексико-семантическая база, г) заполнение облигаторных или факультативных позиций, д) грамматико-интонационное оформление готового высказывания. «Пропозиция зарождается на ступенях (в) и (г), а ядерное предложение можно было бы постулировать в самом начале ступени (д)» (с. 20). Сегодняшняя психолингвистика предлагает более детальные и верифицируемые модели (см., например: Горелов-Седов 2004, 73–80), и выбор ядерных конструкций можно было бы относить к более раннему этапу (ср. идею «внутреннего программирования» в: Леонтьев 2003, 114–119 или «грамматического кодирования» в: Levelt 1995, 14 и др.), но для пионерского понимания места синтаксических единиц в речевой деятельности попытку чешского ученого следует признать важной и плодотворной.

Отказываясь от постулатов генеративной грамматики, Р. Мразек пренебрегает и формулой исходного членения предложения на именную и глагольную группы: $S \rightarrow NP + VP$ (с. 28): эта дихотомия выглядит для исследователя славянского синтаксиса искусственной и ненужной. «Асимметричность предикативной основы», свойственная славянскому предложению, проявляется, в частности, в смысловой и структурной самодостаточности безличных предложений. Восстанавливать русское *Светает* до *День светает* или польское *Pada* до *Deszcz pada* (чем иногда тешатся филологи) неправомечно: «левовалентной «именной фразы» нередко просто нет, ни на поверхности, ни в глубине» (с. 88). Такое решение следует признать смелым и ответственным: оно идет на пользу выявлению специфики славянского материала.

При этом за точку отсчета при систематизации исходных образцов предложений (синтаксических моделей) принимается план содержания: наиболее общие классы предикативных признаков. Таковых в книге предлагается всего 5: действие, обладание, экзистенция, качество, количество (с. 39). Как известно, у других исследователей количество подобных смыслов, выбор которых играет определяющую роль для построения фразы, намного больше: у Ю.С. Степанова, следующего аристотелевскому образцу, их 10 (Степанов 1981,

149–161), у Р. Зимека – 20, не считая вторичных (Зимек 1980, 139–147), у М. Кубика – 27 только двусоставных, с одним, двумя или тремя партиципантами (Кубик 1977). У Ю.Д. Апресяна классификация предикатов, привязанная к классам глаголов, насчитывает 17 типов (Апресян (ред.) 2010, 290–294). Чем же объясняется такой минимализм Р. Мразека? Думается, в первую очередь – сопоставительным характером его работы. Дело в том, что для систематизации многообразного материала славянских языков необходимо подняться на максимально высокий уровень обобщения: иначе разнообразию конструкций трудно было бы найти общее основание. А так, процитируем, «в славянских языках всюду наблюдается, в сущности, одинаковое положение вещей» (с. 41). По той же причине Р. Мразек отказывается в описании синтаксических моделей от «гипертрофированного морфологизма» и использования символических формул предложений (с. 24). Это, однако, не мешает автору, в рамках его пятичленной семантической классификации, находить в отдельных языках самобытные, оригинальные конструкции, вроде чешск. *On už byl vstatý* или укр. *Машиною кидало*.

«Исходные структуры представляют элементарную, примарную реализацию («презентацию») некоторого мыслительного содержания, отражающего соответствующую структуру ситуации, т.е. денотата» (с. 37). Соотношение и связь между денотативным и десигнативным аспектами смысла (самой ситуацией и ее «мыслительным» преломлением) далее не обсуждается (ср.: Норман 1988, 10–11).

Важным средством классификации исходных синтаксических структур являются входящие в их состав участники глагольного действия – «партиципанты», или актанты. Речь идет прежде всего о «левовалентных» участниках (в традиционных терминах им ближе всего подлежащие, а в новейших российских работах – носители предикативного признака). В соответствии с выполняемой в предложении ролью левовалентные партиципанты (или «эффициенты») подразделяются на агенсы (производители целенаправленных действий) и манифестансы (представители всех прочих признаков) (с. 10, 37–38 и др.). Понятно, что данное противопоставление определяется семантикой предиката – и тут концепция Р. Мразека предвосхищает современное деление на акциональные и неакциональные глаголы. Так, существительное *дедушка* в высказывании *Дедушка работает* является, в соответствии с авторской концепцией, агенсом, а в *Дедушка спит* – манифестансом.

Кроме левовалентных партиципантов, исследователь не исключает присутствия в структурной схеме и правовалентных: «Предикативная основа часто требует эксплицитного наличия облигаторных конституэнтов и может распространяться также потенциальными и факультативными партиципантами» (с. 25). И в другом месте: «Чаще бывает так, что ради структурной, да и коммуникативной правильности, полноты, при процессуальном глаголе

должны выступать еще дальнейшие партиципранты – один, два, три или даже больше» (с. 41).

Что имеется в виду под «дальнейшими партиципрантами»? Речь идет об открываемых предикатом структурно-семантических позициях объектно-го или обстоятельственного характера. Примерами служат построения типа рус. *Переводчик пользуется словарем*, *Учитель обращается с учениками ласково*; белор. *Усё мяне здзіўляла* или польск. *Czuł się zupełnie dobrze* (с. 42). Здесь, с нашей точки зрения, остался не вполне решенным вопрос об отграничении категории конститутивных партиципрантов (участников структурной схемы) от ее облигаторных распространителей.

Разумеется, количество и характер участников ситуации зависит от валентности глагола. Такое понимание структурных основ славянского высказывания соответствует принципу «информативной достаточности», принимаемому многими чешскими (и словацкими) синтаксистами. Так, коллективная «Русская грамматика», изданная в Праге в 1979 году, допускала, наряду с двухкомпонентными (включая предикат) моделями, существование трех-, четырех- и даже пятикомпонентных структурных схем (BARNETOVÁ [et al.] 1979, 686–717). Именно такое количество актантов, по мысли ученых, гарантирует передачу определенного типа информации о внеязыковой действительности. Это принципиально отличает концепцию Р. Мразека и его коллег от изложения синтаксиса в российских грамматиках, ограничивающихся идеей «предикативного минимума».

Среди типологических критериев, существенных для понимания синтаксической специфики славянских языков, ученый называет 4 ключевых признака. Это: 1) асимметричность предикативной основы (возможность не-номинативного строения предложения); 2) реализацию семантики посессивности и экзистенции с помощью глаголов группы *habere* и *esse*; 3) возможности деагентивной стилизации (с использованием возвратных и причастных форм); 4) реализацию модальности через такие средства, как формы наклонений, модальные глаголы и предикативы, а также инфинитивные конструкции (с. 30–32).

Несмотря на указанный выше приоритет семантических критериев, Р. Мразек при описании конкретных типов моделей вынужден обратиться к признаку формальному. Это – наличие или отсутствие в предложении грамматического субъекта. Вся «специальная» часть работы подразделяется на два больших раздела: «Предложения подлежащные» (с. 39–85) и «Предложения бесподлежащные» (с. 85–115). «Нельзя, – читаем в книге, – отдавать одностороннее предпочтение семантике» (с. 90). В такой уступке форме можно усмотреть определенную непоследовательность автора. Однако она оправдывается тем, что внутренняя классификация указанных двух больших разделов существенным образом различается.

Раздел «Предложения подлежащные» строится в полном соответствии с постулированной 5-членной классификацией предикативных признаков (действие, обладание, экзистенция, качество, количество). При описании этих подклассов ученый обращает внимание на интересные и важные особенности. Так, в разделе, посвященном предикации качества, наряду с глагольной связкой *esse*, рассматривается роль указательных частиц (рус. *вот, это*, укр. *вось, це*, польск. *to* и т.д.). Анализируется и конкуренция именительного и творительного падежей в именной части предиката, типа *Ломоносов был ученый/ученым* (с. 66–69). В разделе, посвященном предикации количества, различаются субстанции, поддающиеся счету и не поддающиеся счету, каждые со своими формальными признаками (с. 78–79). Особого внимания заслуживают предложения, говорящие о том, что количество чего-то является достаточным или недостаточным (с. 82–84): это, по-видимому, одна из скрытых грамматических категорий (криптотипов, по Б. Уорфу) в славянских языках.

Существенно, что при описании типов синтаксических моделей Р. Мразек неоднократно делает оговорку о возможных переходных, промежуточных случаях. Так, предикация обладания может выступать в ослабленном виде (это «семипосиденция», с. 47), на качественный признак может «наслаиваться» выражение посессивности (рус. *Он друг мне*, чеш. *Budeš mi tlumočnickem*, с. 69), а предикаты со значением экзистенции нередко переходят «в полосу процессуальных предикатов или хотя бы в их направлении» (с. 53). Сегодня, как мы знаем, идея нечетко-множественного подхода, или трактовка языковых явлений как размытых множеств (*fuzzy concepts*), становится в лингвистике одной из доминирующих.

В разделе «Предложения бесподлежащные» анализируются синтаксические структуры, в которых, по определению Р. Мразека, «нет левовалентного актанта» (с. 85). Модели этого раздела отражают только два вида предикации: «предицируется действие» (с. 90–104) и «предицируется качество» (с. 105–115).

Отсутствие левовалентного актанта означает, что здесь «пропозиции мыслятся говорящим без производителя признака (без эффициента, без денотативного субъекта)» (с. 86). Фактически речь идет скорее о состояниях, чем о действиях как таковых. А, говоря конкретнее, к этому классу относятся «коммуникаты о явлениях, в которых в той или иной мере участвуют прежде всего стихии..., вообще любые атмосферно-природные факторы, технические разрушающие силы, разнообразные звуки и запахи, вся сфера человеческой психо-физиологии, самовольное движение времени и событий...» (с. 89). Следует признать, что к числу бесподлежащих предложений относится огромное количество конструкций, составляющих специфику славянских языков. И представить их в виде четкой системы оказывается практически невозможно, учитывая, с одной стороны, формальное разнообразие входящих в них конституентов (ср. рус. *В лесу темнеет; Ему везет; Его ранило; Пахнет*

яблоками; У меня/мне уши заложило и т.д.), а, с другой стороны, возможность количественного варьирования этих «участников действия»: у меня во рту пересохло/Во рту пересохло; Альпинистов засыпало лавиной/Альпинистов засыпало и т.п. Не вполне удалось это и Р. Мразеку. Скажем, Мне не спится трактуется как дезагентивный дериват от Я не сплю (с. 86), а Ему нездоровится – как примарная бесподлежащая конструкция (с. 95). По-видимому, здесь сыграло свою роль наличие деривационных отношений между спит и спится и отсутствие такой трансформационной предыстории у нездоровится.

Бесподлежащие предложения, в которых предикцируется качество, значительно менее разнообразны, чем предыдущий класс моделей, хотя и здесь сообщается «о явлениях природы и окружающей среды, о внутренних качествах состояниях человека, о некотором положении вещей» (с. 105). Но структура этих моделей образуется глагольной связкой (репрезентантом функции *esse*) и предикативными наречиями, соотносительными с прилагательными или существительными: Было светло; Завтра будет поздно и т.п.

В качестве правовалентного распространителя – субъектного или объектно-го дополнения – часто выступает имя в дательном или винительном падеже: рус. Иногда им бывало скучно; Мне было очень лень вставать; чеш. Bylo mi zima; Bylo tu hanba; болг. Жал ми е; Срам ме е от хората и т.п. (при этом отмечается адвербиализация некоторых существительных). Присвязочная часть может быть представлена и предложно-падежной формой, например рус. С днягами туго; Не до еды было; Ему за пятьдесят; укр. На вулицях безлюдно и т.п. Облигаторных распространителей может быть и два: рус. Мне было жаль эту старушку; чеш. Najednou tu bylo tak teplo u srdce. Описание бесподлежащих моделей включает в себя также тонкие семантические наблюдения. Так, в чеш. Je uvařeno причастие трактуется как дериват активной структуры Uvařila jsem, а во внешне подобном Je zatařeno говорится о «спонтанном атмосферическом процессе», т.е. «бесподлежащность» здесь исконная (с. 107). По отношению к конструкциям типа Нам до вокзала далеко или Мне здесь просторно уточняется, что дательный падеж «является не субъектным дополнением, а обстоятельством ограничения» (с. 111).

Симптоматично, что среди бесподлежащих конструкций славянские языки демонстрируют массу уникальных, специфических, идиоматичных образований – они не проходят мимо внимания исследователя. Проиллюстрировать этот тезис можно примерами типа чеш. Ve mně vřelo; Stýská se nám; Sklaplo mu; Nevedlo se jim; Uhodilo do vysokého dubu; Je po dešti или болг. Догневява ме; Бива ли ме?; Срам ме е от хората; Грижа го е; Не му е за парите и др.

И, завершая этот краткий обзор, мы вправе поставить два вопроса. Первый: что изменилось с тех пор (за 30 лет, прошедших с момента выхода книги) в синтаксисе самих славянских языков? И второй: что изменилось в описаниях славянского синтаксиса (или, по выражению Р. Мразека, «синтактологии»)?

Конечно, 30 лет – небольшой срок для развития языка. Однако, если принимать во внимание те глобальные общественно-политические события, которые произошли в славянском мире, то и здесь изменениям не приходится удивляться.

Прежде всего, наблюдается **сближение и взаимопроникновение функциональных стилей**. Некоторая демократизация общественных устоев в постсоветскую эпоху (в разных странах – в разной степени) способствовала расшатыванию литературной нормы, а доступность интернета и средств мобильной связи скачкообразно усиливала влияние разговорной речи на письменный и в целом публичный дискурс. К этому надо добавить изменение стандартов жизни, переоценку моральных и образовательных ценностей, влияние других языков, прежде всего английского, и др. (подробнее см.: Норман 2019, 266–269). Изменения, обусловленные внеязыковыми причинами, ученые характеризуют по-разному: как **демократизацию, экспрессивизацию, криминализацию** и т.п. (Юдина 2010, 128–130 и др.).

Указанные процессы отодвигают на второй план тенденцию к интеллектуализации, которую (наряду с тенденцией к демократизации) отмечал еще Б. Гавранек в середине прошлого века. Тенденция к интеллектуализации, по мнению ученого, заключается не только в заметном приросте словарного состава (за счет специальных терминов, абстрактной лексики, дифференцированных обозначений и т.д.), но и в развитии грамматического строя. Ученый отмечал на материале чешского языка активизацию сложных предложений (в том числе с придаточными причины), совершенствование системы служебных слов и т.п. (HAVRÁNEK 1963, 13–14).

Переходя к собственно синтаксической сфере языка, отметим здесь сильную тенденцию к многообразным преобразованиям, имеющим своей целью **сжатие, компрессию текста**. Такая «упаковка» информации происходит через синтаксические переносы, или передвижения (рейзинг, деагентивацию, различные виды эналлаги), эллипсис, универбацию. Компрессия находит свое выражение как в пределах словосочетания (*плюшевые старушки, баснословный магазин*), так и в рамках целого высказывания (*Декабрь поднял цены; Проект подготовил ученого*). Метафорические и метонимические переносы значения кооперируются здесь с синтаксическими преобразованиями. Заметно также в славянских языках движение в сторону структурной дезинтеграции высказывания, проявляющееся в частом использовании различных обособленных оборотов, вставных, сегментированных и парцеллированных конструкций, неполных (фрагментарных) предложений и т.п. Это всё – результат влияния разговорной речи.

Напомним, что А.М. Пешковский, рассматривая пределы комбинаторики разных частей речи, характеризовал в своем «Русском синтаксисе в научном освещении» (1-е издание – 1914) среди прочих такой тип: «Существительное +

примыкающее к нему наречие. <...> Сочетания эти всецело обуславливаются глагольностью существительного. Такие сочетания, как *из окна напротив высунулась голова*, считаем совершенно исключительными» (Пешковский 1956, 339).

Сегодня ничего исключительного мы в таких сочетаниях не находим. Это – узус, закрепленный и литературной нормой. Словосочетания типа *окно напротив* или *яйцо всмятку*, без всякого условия «глагольности» существительного, фигурируют в вузовских пособиях как типичные примеры определительных отношений

Распространение примыкания как вида связи, демонстративная рассыпчатость синтаксической структуры имеет своей оборотной стороной «обесценивание флексии», т.е. ослабление значимости морфологической парадигмы (более всего это касается имени существительного и числительного). Частным следствием данной тенденции является активизация формы именительного падежа (в тех славянских языках, которые сохранили падежную систему). Это дает основания исследователям русского языка говорить о возрастающем аналитизме его грамматического строя (Акимова 1990, 31–34; Валгина 2001, 155–164 и др.; Костомаров 2014, 185–194 и др.).

В том же направлении работает вторая «доминанта»: рост количества служебных слов и увеличение частоты их употребления. Это значит, с одной стороны, что многие «старые» предлоги, союзы и частицы приобретают новые функции, расширяют диапазон своего употребления, а с другой стороны, появляются многочисленные новые, в том числе составные, служебные слова. В частности, грамматикализации подвергаются многие предложно-падежные сочетания, например: *по отношению к; в зависимости от; в надежде на; в связи с тем, что; при условии, что; даром что, до того времени, пока не; по мере того, как* и т.п. (см.: Всеволодова – Кукушкина – Поликарпов 2014). Тот же процесс имеет место и в других славянских языках; назову здесь капитальное, в 3 томах, описание белорусских «предлогов и их аналогов» (Жанюшкевич 2008–2010).

В сущности, функциональное распределение частей речи (формирование их семантико-синтаксического диапазона) в грамматическом строе славянских языков никогда не прекращалось. Как известно, адвербиализация падежных и предложно-падежных форм существительных издавна давала в изобилии наречия (рус. *напоказ, врасплох, дозарезу, вповалку, заполночь, втайне, наудачу* и т.д.); появляются в этом ряду и новые слова, вплоть до компьютерно-жаргонных *фтопку* или *подзамок*. Они создают проблему их слитного или раздельного написания. Аналогичные процессы протекают и в других языках. Белорусский материал был описан еще в работе (Шуба 1962); чешский в сопоставлении с русским попал в книгу (Брож 1971); факты польского языка см.: (Wojdak 2004; Grosnowski (red.) 2005 и др.). Наречия же, со своей

стороны, иногда вступают в связь с предлогами, что свидетельствует об их субстантивации. Приведем здесь русские примеры, характеризующие современную речевую практику: *откладывать на завтра, отойти на недолго, получить за бесплатно, отправиться в никуда, выпить по чуть-чуть, с точностью до наоборот* и т.п.

Механизмы синтаксических преобразований, свойственные современной речи, взаимосвязаны **со словообразовательными процессами**. В частности, обращает на себя внимание широкое распространение бинарных композитов, и не только с родными основами, вроде *руки-ноги* или *банки-бутылки*, но и с заимствованными, типа *фан-зона* или *бьюти-салон*. Номинализация, сопряженная с регулярным образованием deverbatивов в ряде славянских языков (польском, чешском, болгарском и др.), также способствует структурно-семантической компрессии высказывания, ср. примеры типа пол. *Piotr opowiada o pisaniu książki*; болг. *Петър разказва за писането на книга* 'Петр рассказывает, как он пишет книгу' (КОРУТКОВСКА – МАЉДИЄВА 2002, 19). Возможность почти безграничного образования наречий от относительных прилагательных – еще одна черта, «поощряющая» синтаксические передвижения элементов высказывания (рус. *зажигалка пластмассово щелкнула* – из *пластмассовая зажигалка щелкнула*, *длинно привязанный ключ* – из *ключ, привязанный длинной веревкой*, *бильярдно лысый* – из *лысый, как бильярдный шар*, *палубно качнуться* – из *качнуться, как на палубе во время качки*; все примеры – из аутентичных текстов). Регуляризация каузативных отношений наиболее ярко проявляется в разговорной речи, но проникает и в иные функциональные стили (*Не он ушел, а его ушли; Твое письмо меня меня улыбнуло; Нас вяпали в проект; Мы будем тебя отдыхать* и т.п.).

Несомненно, есть и более частные грамматические черты, характерные сегодня для той или иной коммуникативной сферы (см., например, новейшие работы, посвященные языку масс-медиа: РАЦИБУРСКАЯ (ред.) 2014; ЛАССАН 2020; ШМЕЛЕВА 2020 и др.).

Другая тенденция, обнаруживающая себя в синтаксисе современных славянских языков, – это тенденция – к **коллоквиализации**: в живом общении увеличивается доля устойчивых (воспроизводимых) фраз, восходящих к средствам массовой информации – прежде всего к телевидению и интернету (развлекательные программы, телесериалы, кинокомедии, рекламные клипы и т.п.). Для русского языка это огромное количество новых выражений, синтаксическая структура которых деактуализируется: *хромая утка; от слова совсем; в одном флаконе; вот как-то так; (PI) никто не отменял; пробить дно; я вас услышал; ой всё* и т.п. В принципе это тенденция к клишированности речи, которая в том или ином виде существовала всегда, но именно с развитием информационных технологий она стала существенно влиять на речевое поведение среднестатистического носителя языка. Не случайно появле-

ние в славянском мире лексикографических изданий, максимально широко трактующих устойчивые выражения, вроде двуязычного «Идиоматикона» под ред. В. Хлебды (СНЛЕВА 2014).

Что же нового появилось или укрепилось в славянской грамматологии за последние три десятилетия?

Несомненным шагом вперед в славянской синтаксической науке следует считать отход от «морфологизованной» трактовки членов предложения и разработку собственных категорий «функционального синтаксиса». Он включает в себя такие понятия, как (денотативная) ситуация, участник ситуации, «положение дел», семантическая функция, синтаксическая позиция и др. (см. работы Г.А. Золотовой, Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой, З.Д. Поповой, А. Мустайоки и других ученых).

Скажем, для А. Мустайоки, как и для Р. Мразека, отправным пунктом в описании синтаксиса является набор ядерных семантических структур (Мустайоки 2006, 203–249). Правда, этих обобщенных смыслов здесь не 5, как у чешского ученого, а 12 («Физическое действие и деятельность», «Передвижение и локация», «Существование», «Обладание/Владение» и т.д.), но общий подход остается тем же самым – как и допущение случаев нейтрализации «коммуникативно-семантических сфер». К этому прилагается система модификаторов и спецификаторов, обеспечивающих воплощение ядерной структуры в живую речь.

Анализ соотношения диктума (пропозициональной составляющей смысла) и модуса (субъективной оценки говорящего), важный для представителей семантического синтаксиса, активизировал разработку понятия синтаксической синонимии, трансформационных возможностей предложения и его парадигматики. В продолжение традиций, намеченных Н.Ю. Шведовой, П. Адамцем, Р. Зимеком, В.А. Белошапковой, синтаксисты выявили ряд черт, дополняющих индивидуальный речевой «портрет» высказывания (работы С.Г. Ильенко, М.В. Всеволодовой, Т.В. Шмелевой и др.).

Распространение вербоцентрической теории (признание организующей роли предиката в структуре фразы) привело к переоценке роли подлежащего и к определенному скепсису по отношению к понятию «главных членов предложения». Как известно, классификация членов предложения была унаследована от античной науки, но основы ее время от времени подвергались критике. В частности, проблему составляла привязанность подлежащего к морфологической форме номинатива. В сегодняшних работах по семантическому синтаксису уже допускается подлежащее, «стоящее в косвенных падежах», и этот тезис не кажется чем-то необычным.

К числу общих достижений славянской грамматологии можно отнести углубление теории валентности и создание валентностных словарей, а также разработку общих принципов комбинаторики; на чешском материале

см.: (ŠERMÁK – HOJUB 2005); обзор работ по разным языкам см.: (SKWARSKA – KACZMARSKA (eds.) 2016). Особое направление исследований составило изучение соотношения синтаксических единиц с лексическими классами (селективные категории, лексико-синтаксическая изосемия, явления «малого синтаксиса» (фразеосхемы) и т.д. – см. труды Д.Н. Шмелева, Г.А. Золотовой, А.Е. Михневича, публикации коллектива под руководством Ю.Д. Апресяна и др.). Тем самым объектом синтаксической науки становятся не только наиболее употребительные модели предложений – по выражению Р. Мразека, «изношенные, потерянные уже построения» (с. 21), но и явления, принадлежащие грамматической периферии: редкие, обусловленные, прагматически насыщенные.

Связь синтаксической проблематики с морфологической наиболее ярко обнаружилась при описании функциональной нагрузки падежных словоформ и обоснования понятия изосемии (Золотова 1988). Но позже это направление в славянской грамматике принимало различный вид: то как углубленное описание функциональной нагрузки отдельных форм (например: LESZ-DUK 1995), то как систематизация возможных межчастеречных дериватов (МАРИҢ 2012). В исключительных случаях исследователям удавалось охватить весь функциональный реестр падежных форм конкретного языка (например: ПИПЕР [et al.] 2005, 119–300).

Трудно в кратком обзоре учесть все достижения славянской грамматологии за последние десятилетия, но можно с уверенностью сказать, что они выросли на питательной почве трудов классиков грамматической науки XX века, среди которых почетное место занимает Роман Мразек.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимова, Галина Н. 1990. *Новое в синтаксисе современного русского языка*. Москва: Высшая школа.
- АПРЕСЯН, Юрий Д. (ред.) 2010. *Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря*. Москва: Языки славянских культур.
- БРОЖ, Ладислав. 1971. *Адвербиальная перифрастика*. На русском материале в сопоставлении с чешским. Praha: Universita Karlova.
- Валгина, Нина С. 2001. *Активные процессы в современном русском языке*. Москва: Логос.
- Всеволодова, Мария В. – Кукушкина, Ольга В. – Поликарпов, Анатолий А. 2014. *Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц*. Кн. 1. Москва: Editorial URSS, Ленанд.
- ГОРЕЛОВ, Илья Н. – Седов, Константин Ф. 2004. *Основы психолингвистики*. Москва: Лабиринт.

- Золотова, Галина А. 1988. *Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*. Москва: Наука.
- КАНЮШКЕВИЧ, Марья І. 2008-2010. *Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка у 3 частках*. Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы (Частка 1 – 2008. Частка 2 – 2010. Частка 3 – 2010).
- КОСТОМАРОВ, Виталий Г. 2014. *Язык текущего момента: понятие правильности*. Санкт-Петербург: Златоуст.
- КУБИК, Милослав. 1977. *Модели двусоставных глагольных предложений русского языка в сопоставлении с чешскими*. Praha: Univerzita Karlova.
- ЛАССАН, Элеонора Р. 2020. О некоторых тенденциях в грамматике текста на электронных новостных порталах: «растворение» субъекта. *Медиалингвистика*. Т. 7, № 4, 396–408.
- ЛЕОНТЬЕВ, Алексей А. 2003. *Основы психолингвистики*. Москва: Смысл – Санкт-Петербург: Лань.
- МАРИЋ, Биљана. 2012. *Синтаксичка деривација у савременом руском књижевном језику у поређењу са српским*. Београд: Филолошки факултет.
- МАТИЕЗИУС, Вилем. 1967. О системном грамматическом анализе. В: Кондрашов, Николай А. (ред., сост.) *Пражский лингвистический кружок*. Москва: Прогресс, 226–238.
- МРАЗЕК, Роман. 1990. *Сравнительный синтаксис славянских литературных языков: исходные структуры простого предложения*. Univerzita J.E. Purkyně v Brně.
- МУСТАЙОКИ, Арто. 2006. *Теория функционального синтаксиса: От семантических структур к языковым средствам*. Москва: Языки славянской культуры.
- НОРМАН, Борис Ю. 1988. *Универсальное и специфическое в синтаксических моделях славянских языков (X Международный съезд славистов. Доклады)*. Минск: Университетское.
- НОРМАН, Борис. 2019. О тенденциях развития грамматики русского языка на современном этапе. В: А. Bierich, Alexander – Bruns, Thomas (Hrsg.). *Sprachgeschichte und Sprachwandel im Slavischen. Festschrift für Jadranka Gvozdanović (Trierer Studien zur Slavistik. Bd. 6)*. Peter Lang – Berlin [et. al.], 265–283.
- ПЕШКОВСКИЙ, Александр М. 1956. *Русский синтаксис в научном освещении*. 7-е изд. Москва: Учпедгиз.
- ПИПЕР, Предраг [et al.]. 2005. *Синтакса савременога српског језика. Проста реченица*. Београд: Институт за српски језик САНУ, Београдска књига, Матица српска.
- РАЦИБУРГСКАЯ, Лариса В. (ред.). 2014. *Новые тенденции в русском языке начала XXI века*. Коллективная монография. Москва: Флинта–Наука.
- СТЕПАНОВ, Юрий С. 1981. *Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика*. Москва: Наука.
- ШМЕЛЕВА, Татьяна В. 2020. *Грамматика в медиа как реализация потенциалов языковой системы*. В: *Медиалингвистика славянских стран*. Монография. Москва: Флинта, 15–39.
- ШУБА, Павел П. 1962. *Прыслоўе ў беларускай мове. Марфалагічны нарыс*. Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук БССР.
- ЮДИНА, Наталья В. 2010. *Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс?* Москва: Гнозис.

- BARNETOVÁ, Vilma [et al.]. 1979. *Русская грамматика*. 2. Praha: Academia.
- CHLEBDA, Wojciech (red.). 2014. *Polsko-rosyjski słownik par przekładowych*. Tom zbiorczy Podręcznego idiomatykonu polsko-rosyjskiego (z. 1-5). Opole: Uniwersytet Opolski.
- ČERMÁK, František – HOLUB, Jan. 2005. *Syntagmatika a paradigmatika českého slova*. 1. *Valence a kolokabilita*. Praha: Univerzita Karlova v Praze – Nakladatelství Karolinum.
- GROCHOWSKI, Maciej (red.). 2005. *Przysłówki i przyimki*. *Studia ze składni i semantyki języka polskiego*. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika.
- HAVRÁNEK, Bohuslav. 1963. *Studie o spisovnem jazyce*. Praha: Nakladatelství Československé Akademie věd.
- KORYTKOWSKA, Małgorzata – MAŁDŹIEWA, Wiara. 2002. *Od zdania złożonego do zdania pojedynczego (nominalizacja argumentu propozycjonalnego w języku polskim i bułgarskim)*. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika.
- LESZ-DUK, Maria. 1995. *Funkcje składniowe rzeczowników w dopełniaczu*. Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Częstochowie.
- LEVELT, Willem J. M. 1995. The ability to speak: from intentions to spoken words. *European Review*, vol. 3, No. 1, 13-23.
- SKWARSKA, Karolina – KACZMARSKA, Elżbieta (eds.). 2016. *Výzkum slovesné valence ve slovanských zemích*. Praha: Slovanský ústav AV ČR.
- WOJDAK, Piotr. 2004. *Przysłówki polisegmentalne w modelu składniowym polszczyzny*. Szczecin: Uniwersytet Szczeciński.
- ZIMEK, Rudolf. 1980. *Sémantická výstavba věty*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.

Борис Юстинович Норман

доктор филологический наук, профессор

независимый исследователь

220020 Минск ул. Л. Украинки, 4/1 кв. 16

Беларусь

boris.norman@gmail.com

This work can be used in accordance with the Creative Commons BY-NC-ND 4.0 International license terms and conditions (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/legalcode>). This does not apply to works or elements (such as image or photographs) that are used in the work under a contractual license or exception or limitation to relevant rights.